

А.В.Магун,
Ph.D. (политология), The University of Michigan,
Европейский университет в Санкт-Петербурге

Реплика: Демократия против демократии

Предшествующая дискуссия, на мой взгляд, оставила вне поля зрения два существенных "слепых пятна". Во-первых, в социологическом анализе современной ситуации не обсуждался сам *проект*, в соответствии с которым были начаты изменения в России, и который по сей день остается средством легитимации существующего режима. Либо полагают, что западный, либерально-демократический проект был изначально верным, но по ряду причин (технического характера или, быть может, связанных с исключительными особенностями нашей страны) не смог быть осуществлен, либо считают этот проект преступным, в корне неверным и упадочным¹. Тем самым исследователи, с той или иной позиции, но оправдывают свою субъектив-

¹ Таково, например, мнение Б.Кагарлицкого в кн.: *Кагарлицкий Б. Реставрации в России*. М: Эдиториал УРСС, 2000.

ную непричастность к происходящему и легитимируют свою позитивистскую методологию, за которой кроется глубокое разочарование или ненависть. Но подобная точка зрения мешает увидеть главное — *внутреннюю* логику событий, произошедших в России за последние 15 лет. Понимающий, а не позитивистский подход к истории требует ее анализа с точки зрения *деятеля* (субъекта), а значит, с точки зрения субъективного *проекта*. Мы сможем понять, куда *пришла* Россия только помня о том, куда она *пошла*.

Во-вторых, в большинстве прозвучавших на симпозиуме докладов политические проблемы России рассматривались изолированно от проблем общеисторических и общемировых. Молчаливая предпосылка подобного подхода — уверенность в том, что политическая история мира уже закончилась, правильные рецепты найдены и остается только их осуществить в борьбе со все теми же техническими трудностями. Обратная сторона этого предубеждения — уверенность в пресловутой российской исключительности. Между тем для подобных молчаливых предубеждений нет никаких оснований. "Проект" Запада, в настоящее время выступающий в форме "либеральной демократии", находится в постоянном становлении, а в последнее время переживает очередной кризис, часто именуемый "глобализацией". Такие феномены, как, например, сползание ранее благополучных государств в третий мир, совмещение либеральной экономики с авторитарным политическим режимом, плодящиеся этнические конфликты являются типичными чертами этой всемирно-исторической ситуации, так что бессмысленно пытаться объяснить их только исходя из эндогенно российских причин. А обсуждать их в глобальном и историческом контексте — опять же значит рассматривать в свете универсального политического проекта, а не локальной аномалии.

В коротком выступлении у меня нет возможности полностью развернуть соответствующий анализ. Сосредоточусь лишь на проблеме демократии.

На конференции (в докладах В.Малахова, В.Воронкова) много говорилось об отличии политического понятия "*нация*" от (эссенциалистского и биологизаторского) понятия "*этнос*" — отличии, которое на цивилизованном Западе восторжествовало, а у нас вводит людей в заблуждение. Действительно, сейчас на Западе принято разводить эти понятия, но делают это с такой настойчивостью лишь потому, что это достаточно искусственное различие. В эпоху Французской революции, когда современная демократия только возникла, "*нация*" была ее центральным понятием и, конечно, понималась и в смысле "*этнуса*" — как сплоченное самодостаточное единство монокультурной группы, связанной общей историей и общим языком. Когда Наполеон стал захватывать страны Европы под флагом своего республиканского империализма, то немецкие националисты, возвращенные Французской революцией, воспротивились этому

и впервые связали дискурс нации с правым, реакционным дискурсом. С той поры и идет амбивалентная идеологическая окраска "нации".

В наше время это внутреннее противоречие понятия "нация" является центральной проблемой *демократии*. Демократия — политическое самоуправление народа — сегодня господствующая идеология Запада. Но в ведущих западных странах демократия является преимущественно символическим, а не реальным феноменом. Это — демократия "репрезентативная" и "либеральная", которая допускает и даже предполагает очаги прямой политизации граждан, но в то же время изолирует и локализует такие очаги, деполитизируя общество при помощи экономических и идеологических механизмов и амортизируя прямое волеизъявление граждан через систему представительства, "конституционную" правовую систему и т.п. Между тем Запад пришел к демократической системе в результате революций, в которых прямая демократия на какой-то период становилась реальностью, но потом подавлялась и вытеснялась чисто репрезентативной системой в результате более или менее кровавых столкновений.

Революция по самой своей логике приводит к формированию демократических идеологий и институтов: общество освобождается от иерархии, чувствует солидарность перед лицом свергнутого репрессивного режима и не видит поначалу оснований для возрождения какой бы то ни было иерархии. Но затем демократия очень быстро становится для пореволюционного общества проблемой. Для России такой проблемой стала Чечня.

Действительно, проект *основания* нового, самоуправляющегося общества, т.е. революционный проект посткоммунистической России, был подхвачен в Чечне не в самой привлекательной форме этнического национализма и сепаратизма. Но если на территории остальной России, по выражению В.Путина¹, "цикл" революций и контрреволюций "закончен", т.е. очаги прямой демократии успешно подавлены, то в Чечне и по сей день продолжается "перманентная революция". Может быть, говорить о демократии в полном смысле слова в применении к Чечне и не совсем оправданно, так как в ее политической жизни присутствуют и черты традиционного устройства (например, советы старейшин), но такие черты, как высокая политизация населения, принятие решений на совместных советах, элементы военной демократии безусловно делают ее наиболее демократическим обществом сегодняшней России.

Итак, когда сегодняшняя Россия называет себя демократической, то это не просто пустая фикция. Россия легитимирует себя обращением к недавнему революционному прошлому и гомеопати-

¹ Выступление Президента РФ В.В.Путина с Посланием Федеральному Собранию РФ, 304.2001 <<http://president.kremlin.ru/events/191.html>>.

ческими дозами реальных гражданских свобод, но она расплачивается за этот маскарад и за это прошлое войной в Чечне. Таким образом, Чечня — это *симптом* внутренней противоречивости нашего демократического проекта, незаживающая рана Амфорта-са — локальный "довесок", кажущийся необязательным, но на деле определяющий состояние системы и грозящий разрушить ее. Любые возможные пути выхода из сложившейся травматической ситуации должны быть связаны, по меньшей мере, с политическим реформированием всей России, с пересмотром ее демократических институтов (может быть, даже отказом от них, там где они, по определению, ритуальны, и усиления там, где они могут опереться на активность граждан). По большому же счету, наши проблемы универсальны, и их решение требует творческого переосмысления всего мирового политического строя.